

2207 КАК ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ?

О романе Эмэ Бээкман «Возможность выбора», вышедшем в переводе А. Тамма в издательстве «Ээсти Раамат»

РЕГИНА, женщина, приближающаяся к рубежу тридцатилетия, одинокая учительница решает любой ценой обрести домашний очаг, семью, здоровых детей. И она уезжает из города в поселок, где умерла ее тетка (когда-то Регина бежала из ее дома в поисках независимости), и она выходит замуж за алкоголика (он единственный соглашается на ее деловое предложение о браке), и она рождает детей (не от своего мужа, а от трех разных, совершенно чужих ей мужчин, предвзвешенно убедившись с помощью своей подруги-медсестры, что они не состоят на учете ни в одном медицинском диспансере, и, следовательно, от них можно произвести здорового потомство). Такова фабула романа Эмэ Бээкман «Возможность выбора».

О чем же здесь идет речь? Об идеале прагматика, окончательно вычленившего из своего естества душу, чувства, эмоции, о фантастическом бреду урбанизма, обращающего человека в робота? — Да, конечно.

А может быть, речь идет о трагедии одиночества, о той страшной трагедии, которая предпочитает любую альтернативу, лишь бы существование было связано с другими людьми, лишь бы не было мрака и тоски, замкнутых в четырех стенах, лишь бы был звук человеческого голоса по вечерам, подтверждающий необходимость продолжения, необходимость следующего дня? — Да, конечно.

А может быть, речь не о трагедии, а о фарсе, о фарсе, ибо вся ситуация построена на чрезвычайной пошлости, на чудовищном цинизме, растлевающим таинство близости, родства, преемственности? — Да, конечно.

А может быть, речь о поправке личности, об умышленном самоочищении, но во имя ростков будущего, пусть рожденного лабораторно, но будущего, которое будет лишено бактерий некоммуникабельности, эгоизма, отчуждения и любви? — Да, конечно.

Конечно, потому что все эти предположения только кажутся взаимоисключающими, все они заложены в том больном и напряженном нервном узле, который составляет суть романа известной эстонской писательницы.

В критике давно уже стало общим местом положение о том, что всякий следующий роман Эмэ Бээкман открывает новую и неожиданную грань дарования прозаика и что как раз новизна, непредсказуемость создают последовательность и преемственность общей линии творчества писательницы. Думается, в случае с «Возможностью выбора» следует говорить о новизне принципиальной, о новизне в гораздо более широком смысле, о новизне проблематики, к которой не рисковал обращаться еще ни один литератор.

...Свобода, о которой из поколения в поколение мечтали Анна Каренина и мадам Бовари, наконец, состоялась. Но она во многом оказалась и постылой свободой для тех, чей робкий идеал напрямую связан с нехитрыми радостями спокойной быта и тихой семейной идиллией. Тут уж не Вронский нужен, тут скорее нужен Каренин, сулящий устойчивость и полную надежность. Свобода повлекла за собой и известную девальвацию чувств, привязанности, верности. Огромный процент разводов, разрушенных семей, потухших домашних очагов. Это — тоже свобода. И пошла обратная волна: появились столь нужные «брачные» объявления в газетах, стали организовывать вечера для тех, кому за тридцать. Насытившись свободой, часть женщин потянулась за «закрепощенностью». За «закрепощенностью», которую обуславливает истинное и глубокое чувство, или хотя бы за той, которую обуславливает спокойный расчет двух одиночек, стремящихся прийти на помощь друг другу. Тут как раз вся тонкость в этом расчете, в его мере, в его завуалированности или в его откровенности.

Эмэ Бээкман выбирает ситуацию крайнюю, когда расчет возведен в абсолют. Страшный

и точный расчет, который должен полностью перековать мир героини произведения.

Мир этот нестерпим. Он наводнен стареющими женщинами, которые натужно создают псевдосемьи — постоянно звонят друг другу, собираются на посиделки, сплетничают, рвутся услужить, занимают свое воображение выдуманными историями о любовных посягательствах мужчин, принимают на ночь снотворное и расставляют на полках книги, в которые не заглядывают. В этом мире Регину ждет их судьба, судьба состарившейся учительницы, которая может рассчитывать разве что на посещение какой-нибудь бывшей ученицы, зашедшей из чувства благодарности и долга и томлящейся за ненужной и скучной чашкой кофе.

Этот мир отвратителен. Он наводнен мужчинами, которые приглашают своих подруг в бары и кафе для того, чтобы не нужно было говорить и не нужно было слушать звуки чужого голоса — ведь все будет заглушать музыка. Мужчи́нами, которые ничего не хотят знать о своих подругах и ничем не хотят поделиться, главное — сохранить свою независимость — от чужого, да и своего чувства, от обязательств, долга, эмоций, откровений. В этом мире Регину ждет все повторяющаяся и повторяющаяся судьба случайной спутницы, гложущей в грохочущей немоте баров.

Мастерство стилиста позволяет Эмэ Бээкман ни в малой степени не педалировать гротесковость или гиперболизированность, описываемой ситуации. Просто мы видим только то, что попадает в поле зрения героини, чьи глаза плотно прикрыты шорами, защищающими ее от широты жизни и помогающими устремиться к выбранной цели.

Впрочем, не нужно думать, что Регина обычная жалкая мещанка, чуждая интеллектуальных запросов. Все проблемы современности в достаточной мере вняты ей, достаточно точно ею формулируются: «Все же казалось, что современный человек взгромоздился на котурны. Стбит, гордо закинув голову, и время от времени патетически восклицает: Атомный век! Век космоса! Эпоха, отмечающая предрасудки! Простодушные люди могут прийти в восторг от такой величественной картины. Стоит ли рассуждать о загрязнении души и потребительском образе мышления?» Стбит. И Регина размышляет, и приходит к выводу, что нужно прислушаться не к устаревшему голосу совести, а к голосу отточенного и властного разума...

Регина идет напролом, она заставляет подчиниться сердце, нервы, тело, да, собственно, она заставляет их атрофироваться, превратиться в механизм, служащий единой цели. Даже свои сомнения, даже свою нерешительность, даже свой страх, даже свое временно возникающее отвращение к происходящему она немедленно подвергает строжайшему рационалистическому анализу, дабы исключить малейшую вероятность промаха. И Регина создает семью.

Казалось бы, тут самое время поставить вечный вопрос о средствах и цели. О том, можно ли на безнравственных началах выстроить строгую нравственность, на лжи — доверие, на рационализме — чувство, на безразличии — привязанность. Но, может быть, не только в этом совершенно справедливом вопросе, на который мы дадим совершенно однозначный ответ, все дело? Ведь не только же ради него написан роман. Роман открыл перед нами очень важную и очень болезненную социальную проблему. Открыл без прикрас, жестко и прямо и очень талантливо. Как эту проблему решить, да и можно ли? Тут слово за читателями, а точнее, за самой жизнью.

Роман Эмэ Бээкман вышел в свет на эстонском языке пять лет назад, но до сих пор споры о нем, о его проблемах не прекращаются. И сейчас, когда книга переведена на русский язык, есть все основания их продолжить...

Е. СКУЛЬСКАЯ.